

Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосв. Саввы [Тихомирова], архиеп. Тверского [и Кашинского] († 13 октября 1896 г.): Том 1. (1819–1850 гг.) Годы: 1838–1841] // Богословский вестник 1897. Т. 2. № 5. С. 129–160 (4-я пагин.). (Продолжение.)

— 129 —

пашества Димитрій Аннинскій) кандидатъ VIII курса (1832 г.) 1838 г. Московской академіи.

2. По классу Библейской и церковной исторіи, а также еврейскаго языка магистръ той же академіи и того же курса — Юсифъ Яковлевичъ Смирновъ.

3. По классу Свящ. Писанія — Василій Емельяничъ Богородскій — кандидатъ XIII курса (1839 г.) С.-Петербуржской академіи.

4. По классу греческаго языка — Аванасій Николаевичъ Яковлевскій — кандидатъ VIII курса Московской духовной академіи.

О. Діонисій, преподаватель Богословія, съ усердіемъ изучалъ свой предметъ, но не владѣя въ достаточной степени даромъ слова, старался этотъ недостатокъ въ преподаваніи восполнить обширными записками съ разными къ нимъ примѣчаніями. Составляемая имъ на русскомъ (а не на латинскомъ уже) языкѣ записки мы должны были для себя переписывать. Вотъ содержаніе этихъ записокъ, озаглавленныхъ: „Начертаніе системы христіанскаго Богословія по духу Православной Греко-россійской церкви“.

Послѣ довольно пространнаго общаго введенія въ курсъ наукъ богословскихъ, изложено:

А. Первый отдѣлъ системы христіанскаго Богословія, заключающій въ себѣ предъуготовительныя науки Богословія: 1) Псагогику, 2) Гермевтику и 3) Археологію.

Примѣчаніе. Общипащая въ заглавіи Археологія намъ не была преподавана.

Б. Второй отдѣлъ, заключающій въ себѣ составительныя науки Богословія: 1) Богословіе общее, основное; 2) Богословіе созерцательное — догматическое, — въ немъ:

- а) Богословіе отрѣшенное, или о Богѣ самомъ въ Себѣ.
- б) Богословіе относительное, т. е. о Богѣ и дѣйствіяхъ Его въ отношеніи къ бытіямъ конечнымъ.
- в) Богословіе дѣятельное — практическое; въ немъ:
  - 1) Богословіе дѣятельное основное и
  - 2) Богословіе дѣятельное — прикладное.
- г) Богословіе частное - отрицательное или случайное (противъ раскольниковъ).

Не довольствуясь обширными записками по Богословію своего наставника, о. Діонисія, я списалъ для себя за-

1838 г. писки по догматическому и обличительному Богословію, составленныя бывшимъ ученымъ бакалавромъ Кіевской академіи, іеромонахомъ Рафаиломъ.

О. Діонисій, въ дополненіе и объясненіе своихъ уроковъ, имѣлъ обыкновение приносить съ собою въ классъ книги или духовныя журналы и даже свѣтскія газеты, въ коихъ заключались статьи догматическаго, или вообще богословскаго содержанія, и заставлялъ меня читать ихъ въ слухъ цѣлаго класса. У меня сохранилась въ рукописи одна изъ читанныхъ мною въ классѣ статей, напечатанная въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1839 или 1840 года. Это — рѣчь ординарнаго профессора университета св. Владимира, *Федорова* ¹⁾, читанная имъ на актѣ 15-го іюля 1837 года, подъ заглавіемъ: „О минимумѣ противорѣчіи между истинами, явствующими изъ познанія неба видимаго — вещественнаго, и истинами, въ когорыхъ открывается челоуѣку небо невидимое — духовное“.

Въ высшемъ отдѣленіи, также какъ и въ среднемъ, темы для сочиненій давалъ намъ преподаватель главнаго предмета, т. е. о. Діонисій. Сочиненія писались на русскомъ и латинскомъ языкѣ. У меня сохранились сочиненія, писанныя мною на слѣдующія темы:

1) Русскія:

- 1) „О крещеніи христіанскихъ младенцевъ“.

На сочиненіи, писанномъ на эту тему, наставникомъ подписано: „Очень похвально“. А на первой страницѣ сверху рукою ректора архимандрита Павликарна написано: „Смотрѣно. 1839 г. ноябра 5 дня“.

- 2) „О безсиліи челоуѣка грѣшника въ дѣлѣ своего спасенія“.

На этомъ сочиненіи подписано: „Обстоятельно, очень хорошо“.

- 3) „Чѣмъ и какъ христіанину укрѣплять и утѣшать себя въ злословіяхъ жизни?“

Подписано: „Весьма хорошо“.

- 4) Размышленіе на слова: „Иже аще поспыдится Мене и Моихъ словесъ, сего Сынъ челоуѣческой постыдится.“

1) Федоровъ, Вас. Федор., скончался 24 марта 1855 года

егда придетъ во славу Своей, и Отчей, и святыхъ 1838 г. ангель“. Луки IX, 26.

Подписано: „Весьма хорошо“.

- 5) Экспромить на слова: „Пыиѣ пребываютъ: вѣра, надежда, любви, три сїа: больши же сихъ любви. 1 Кор. XIII, 13“.

Подписано: „Очень хорошо“.

II) Латинскія:

- 6) *Salus aeterna hominum extra Ecclesiam christianam acquiri non potest*“.

Подписано: „Bene“,

- 7) *Quid sibi vult imago Dei, secundum quam primus homo creatus esse dicitur*“.

Подписано: „Satis bene“.

- 8) *„De immortalitate animae humanae“*.

Сочиненіе это оставлено, не знаю, почему, безъ всякой подписи. Видно, не было читано наставникомъ.

Кромѣ такъ называемыхъ разсужденій, мы обязаны были писать, особенно на второмъ году курса, поученія и проповѣди. Намъ не была преподаваема Гомилетика; мы не знали никакихъ теоретическихъ правилъ для составленія проповѣдей; отъ насъ требовали только предварительно расположенія или плана проповѣди. Поэтому можно сказать, что мы самоучкой писали проповѣди. Написанныя нами и одобренныя наставникомъ проповѣди ректоръ посылалъ насъ произносить въ той или другой изъ градскихъ церквей.

У меня сохранилось 8 семинарскихъ проповѣдей, изъ коихъ одна написана и произнесена была въ 1839 году, а прочія въ 1840 году.

Въ свободное отъ обязательныхъ, классныхъ занятій, время не мало прочитано было мною книгъ и статей въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ. У меня сохранились въ спискахъ цѣлые трактаты и обширныя статьи богословскаго содержанія, какъ напр. трактатъ „О бытіи Божіемъ“, изъ *Христіанскаго Чтенія* 1824 года; выписки изъ догматическаго ученія св. Григорія Богослова, помѣщен. въ *Христіанскомъ Чтеніи* 1838 года; „О мірѣ и его Со-

1838 г. здатель“ — изъ *Библ. для чтенія* 1838 года и мноія другія.

Библейскую и Церковную исторію мы изучали по печатнымъ руководствамъ архимандритовъ: *Филарета Дроздова* и *Иннокентія Смирнова*. Устныхъ объясненій отъ профессора І. Я. Смирнова мы слышали очень мало. Впрочемъ, онъ не долго и преподавалъ намъ эти предметы, среди курса онъ оставилъ семинарскую службу и поступилъ въ Москву на службу въ Опекунскій совѣтъ. Тамъ впоследствии не разъ я встрѣчался съ нимъ.

По классу Св. Писанія намъ даны были преподавателемъ В. Е. Богородскимъ не очень пространныя записки только на двѣ, если не ошибаюсь, книги П. Завѣта, а именно: на Евангеліе отъ Іоанна и на посланіе Ап. Павла къ Евреямъ. Какъ Богородскій только лишь въ 1839 году окончилъ курсъ академіи, то естественно, что онъ не могъ быть еще удовлетворительнымъ наставникомъ.

Что и какъ преподавалъ намъ въ высшемъ отдѣленіи изъ греческаго языка учитель А. П. Яковлевскій, хорошо не помню. Почтенный наставникъ предметъ свой зналъ, можетъ быть, и основательно, но преподаваніе его было слишкомъ не увлекательно: даромъ слова онъ почти вовсе не обладалъ. Въ особенности онъ обнаружилъ предъ нами свою безталантность, когда временно, послѣ выхода изъ семинаріи профессора Смирнова, ему поручено было преподаваніе Церковной исторіи.

Еврейскій языкъ у насъ не пользовался особеннымъ вниманіемъ; однакожъ я успѣлъ усвоить начатки этого священнаго языка подъ руководствомъ профессора Смирнова.

Между тѣмъ въ 1838 году, по ходатайству Владимірскаго епархіальнаго начальства, разрѣшено было Св. Синодомъ построить въ селѣ Ивановѣ единовѣрческую церковь, вторую уже послѣ Дуниловской. Въ этой новоустроенной церкви, по приглашенію прихожанъ, перешелъ изъ Дунилова мой зять, пономарь В. А. Левашевъ, обладавшій хорошимъ басистымъ голосомъ и умѣвшій твердо пѣть по старинной крюковой нотѣ, не говоря уже объ отчетливомъ знаніи церковнаго устава и всѣхъ обычаевъ и порядковъ единовѣрческой общины. Съ этого времени для меня открылось новое мѣсто убѣжища.

Въ декабрѣ писалъ я въ Горны къ о. Василию Сано-

ровскому и по обычаю привѣтствовала его съ праздникомъ 1839 г Рождества Христова и новымъ (1839-мъ) годомъ, сообщая ему при этомъ о Владимірскихъ новостяхъ.

Въ отвѣтъ на это опъ писалъ мнѣ отъ 8-го января 1839 года:

„За привѣтствіе ваше со всерадостнымъ днемъ Рождества Христова, равно и съ предверіемъ уже грядущаго новаго года, приношу чувствительнѣйшую благодарность. Слава всеблагому Богу! Мы встрѣтили съ радостію и благоговѣйнѣйшими чувствами торжествовали праздникъ пришествія въ міръ Искупителя міра. Праздновали и Его Божественное и спасительное въ міръ Богоявленіе. Истинно, христіанинъ много имѣетъ причинъ къ веселію въ сіи благознаменитые дни праздниковъ. Но древній змій, — прельстившій первыхъ человѣковъ, змій лукавый, — не убоавшійся искушать Самого Искупителя міра—Господа своего— сластолюбіемъ:—„да каменія сія хлѣбы будутъ“;— славолюбіемъ:—„аще сыиъ еси Божій, верзися долу“;— богатолубіемъ: „сія вся тебѣ дамъ, аще, надъ, поклонимися“;— повторяю: сей человѣкоубійца искони посреди нашего веселія во дни праздниковъ сихъ священныхъ, какъ бы невольно христіанъ увлекаетъ къ своимъ увеселеніямъ, такъ что мы празднуемъ не въ безквасіи чистоты, но въ квасѣ ветсѣ—въ козлогласованіи и шланствѣ.

Новый годъ! и его срѣтили — торжествовали съ колокольнымъ звономъ: по мы: тѣже—или лучше?—чѣмъ старѣемъ, тѣмъ дурѣемъ (по латынѣ страмусъ писать, ибо все нынѣ русское). Мы мечтали, что на своихъ крыльяхъ эфирныхъ новый годъ принесетъ намъ — новыя уснѣхи; но овъ доставилъ намъ новыя заботы, новыя метрическія формы и въ Шую -- новаго новытчика — хотя и добраго, но уже конспираторскаго. . Стращаютъ насъ и становыми—Благочинными. Однако—кто уразумѣ умъ Госнодель? Покоримся благому Провидѣнію..

Весьма сожалѣю о смерти почтеннаго мужа Степана Григорьевича. Онъ не только мнѣ былъ товарищъ, но другъ. Мы съ нимъ и пѣвали и нивали по тогдашнему заведенію;—я также игрывалъ съ нимъ на худомъ фаготѣ и держалъ перваго баса въ архіерейскомъ хорѣ. О Михайлѣ Михайловичѣ и о другихъ переимѣчахъ въ семи-

1839 г. наріи случившихся за краткостію времени и недосугахъ не буду разсуждать. Ежели земледілецъ располагаетъ—какое сѣмя и на какой землѣ посѣять: то ужели Господь не предположилъ кому гдѣ удобнѣе принести плодъ изъ профессоровъ? Теперь дѣло доходитъ и до Владыкина, вашего, можно сказать, собесѣдника и друга. Ума его не испытывалъ, витійства не зналъ: но сердце его глубоко и (не осмѣливаюсь сказать) лукаво и. . . Онъ меня почелъ за невѣжу,—но о миѣ скажутъ, можетъ быть, и въ Висаніи, что я не такихъ правилъ. Впрочемъ вы совѣты его примите и послѣдуйте его совѣтамъ, не упускайте исполнить предложеній его, ежели предложены будутъ Академію... Вы позавидовали сельскому одноприходному священнику, какъ бобыль,—безпахотному. Есть-ли что неспособнѣе,—несчастнѣе быть между крестьянами невѣждами—пасти козловъ пастырю благоразумному, добросовѣстному? Здѣсь найдете вы болѣе безпокойства, нежели спокойства. Кромѣ службы безпрестанной, различныхъ требъ (это пусть и во всякомъ званіи бывастъ) одно дурачество глупцовъ вамъ наскучить, а причетъ деревенскій всегда мерзкій, умучить совѣсть вашу. Сей родъ ни чимъ не успокоивается токмо молитвою и постомъ. И что здѣсь за выгоды? Послѣдняя копѣйка добывается, какъ говорится, горломъ—нищенскимъ образомъ. Въ Моисеовѣ законѣ писано: да не заградивши устенъ вола молоища, и апостолъ Павелъ оправдывается: аще духовное сѣяхомъ, велико-ли, аще тѣлесная пожнемъ: но тѣ времена очень далеки—тогда не было раздѣлу—все было общее; а нынѣ сколько въ людяхъ лживыхъ пророковъ, лживыхъ учителей?—Стали человѣцы самолюбцы, величавы, хульницы, продержатели, о господствѣ не радящіе и проч. Посему изъ сего Содома лучше изыти и итти спасать свою душу въ горѣ Сигорѣ.

Наконецъ и о тѣхъ наставленіяхъ должно подумать, которые Самъ, Премудрость Божія, изрекъ ученикамъ своимъ: никто же поставляетъ свѣтильника подъ снудомъ, но на свѣщницѣ, да свѣтитъ мірови,—паки: скрывый талантъ—и только талантъ единъ, уже есть рабъ неключимый, не-потребный; что сказать о томъ рабѣ, который имѣетъ десять талантовъ и зарываетъ въ землю? Природа, благодѣтельная мать, наградила васъ изобильными дарами и

качествами; не только г. Владыкинъ—простое око можетъ замѣтить оныя: то для чего-же дремать и не усовершенывать дарованія, особенно тогда, когда па то есть и время и благопріятные случаи. Вы можете быть наставникомъ другихъ, итти въ свѣтъ и видѣть свѣтъ—можете тамъ принести болѣе пользы отечеству, нежели въ простомъ селѣ священникомъ. Бѣлое духовенство и потому не столь выгодно, что, лишась супруги, а иногда съ многочисленнымъ семействомъ бѣдствуетъ—влачить жизнь кое-какъ. Вотъ я и самъ изживаю вѣкъ не какъ человекъ—мучуся одинокой...

У досуга и еще напишу о семъ. Теперь, пожелавъ вамъ новыхъ успѣховъ и преуспѣянія на поприщѣ наукъ, остаюсь искренно любящій и почитающій села Горницъ священникъ Василій Салоровскій“.

Такъ какъ у меня черноваго письма къ о. Василю не сохранилось, то я предложу здѣсь изъясненіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, указываемыхъ въ его отвѣтномъ ко мнѣ письмѣ.

Степанъ Григорычъ (Знаменскій), о которомъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ о. Салоровскій, былъ священникомъ при Владимірекомъ кафедральномъ соборѣ и инспекторомъ духовнаго училища. Вотъ какъ описываетъ о. Степана одинъ изъ его учениковъ, когда онъ былъ (въ 1819 г.) еще учителемъ 2-го класса приходскаго училища: „во второмъ классѣ приходскаго училища, — такъ пишетъ П. С. А., — учителемъ былъ священникъ З(наменскій). Поступивъ во второй классъ, мы жатѣли Аэдоницкаго (учителя перваго класса), потому что З(наменскій) казался суровѣе его; мы сначала боялись новаго учителя, но время и привычка ослабили страхъ. О. З(наменскій) не былъ жестокъ; плотный, сутуловатый, всегда почти серьезный, онъ къ дѣлу обученія оказался внимательнѣе, чѣмъ Аэдоницкій: что нужно, объяснялъ и выправлялъ; съ недавними уроками поступать хотя и построже, чѣмъ Аэдоницкій, но розги все-таки не были ежедневнымъ явленіемъ, а когда и употреблялись, то въ самомъ умѣренномъ количествѣ. З(наменскій) наказывалъ безъ малѣйшаго гнѣва, спокойно велить дать пятокъ ударовъ розгой, — и садись мирно на скамью; онъ не былъ злопамятенъ: на другой же день снова спроситъ тебя, — и если урокъ выучилъ, похвалитъ.

1839 г. Мы, узнавши его покороче въ теченіе первой учебной трети, полюбили такъ же, какъ и Ладоницкаго. З(наменскій) былъ мастеръ пѣть, любилъ пѣніе, и голосъ имѣлъ свободный и довольно сильный. Потная азбука подъ его руководствомъ потеряла для насъ значеніе іероглифа. На послѣ-объединныхъ классахъ онъ прилежно упражнялся съ нами, обучая пѣвію; съ нимъ мы прошли всю премудрость азбуки и принялись за обиходъ, разучивая первоначально воскресныя стихирны и Богородичны на Господи возвахъ. Сперва разучилъ одиѣ ноты безъ словъ, а потомъ уже съ словами. Любо слушать, бывало, какъ З(наменскій) одушевленный, начать пѣть „Всемирную славу“, и мы всѣмъ классомъ подиѣваемъ ему; два часа пройдутъ, — мы и не видимъ, желали-бы еще пѣть—до самой ночи: такъ онъ заохотилъ насъ къ занятію пѣніемъ“ ¹⁾).

Смерть о. Степану приключилась вслѣдствіе простуды, которую онъ получилъ при встрѣчѣ на семинарскомъ дворѣ съ ректоромъ семинаріи, съ которымъ долженъ былъ довольно долго разговаривать, стоя съ открытой головой въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

О Михаилѣ Михайловичѣ Соловьевѣ сообщилъ я о. Василию Сапоровскому извѣстіе, что онъ оставляетъ Владимірскую семинарію и переходитъ въ Пензенскую епархію на смотрительскую должность. Переходъ этотъ былъ слѣдствіемъ вступленія М. Михайловича въ бракъ съ мѣщанскою дочерью,—на что, въ то время, смотрѣло у насъ начальство очень не благосклонно.

О моемъ бывшемъ наставникѣ и покровителѣ Я. П. Владыкинѣ я писалъ, что онъ также оставилъ нашу семинарію и, по протекціи ректора Московской академіи, архимандрита Филарета (Гумилевскаго)—товарища его по академическому воспитанію, переведенъ въ Виѣанскую семинарію на классъ философіи. Прощаясь со мною Я. П.—чѣ сказалъ: „когда, Ванюша (онъ такъ называлъ меня), окончишь курсъ, возьми на плечи сумку, а въ руки палку, и приходи ко мнѣ—будешь въ академіи“. Сообщая объ этомъ Сапоровскому, я просилъ у него совѣта и, вѣроятно, выражалъ мысли о прелестяхъ жизни сельскаго священника.

¹⁾ *Влад. Еп. Вѣд.* 1875 г. № 10. стр. 491

Но прежде чѣмъ давать мнѣ совѣты, о. Василій выразилъ 1839 г свое негодованіе на моего благодѣтеля. Къ этому поводомъ было слѣдующее обстоятельство. На Фоминой недѣлѣ 1838-го года о. Василій нарочито пріѣхалъ во Владиміръ, чтобы похлопотать о переходѣ изъ низшаго отдѣленія въ среднее своего племянника, малоспособнаго и при томъ лѣниваго. Племянникъ его былъ въ отдѣленіи Владыкина. О. Василій, зная о моихъ близкихъ отношеніяхъ къ Владыкину, убѣдилъ меня сходить вмѣстѣ съ нимъ къ нему и попросить о его племянникѣ. Я, разумѣется, не отказался. Владыкинъ сначала принялъ насъ благосклонно; но когда о. Василій вздумалъ, на моихъ глазахъ, давать ему въ руку десятирублевую бумажку, онъ такъ разсердился, что едва не вытолкалъ дарителя въ шею. Будь это безъ меня: можетъ быть, онъ, и не отвергъ бы даванія. Впрочемъ, не знаю какими судьбами, но племянникъ о. Сапоровскаго былъ переведенъ въ среднее отдѣленіе.

Приближалась Пасха. Я рѣшился отправиться на праздникъ въ Иваново поздравить зятя и сестру Марью Михайловну съ новосельемъ. Я съ нѣкоторыми товарищами пошелъ пѣшкомъ. Пасха была ранняя 26-го марта. Въ поляхъ было множество снѣга, который однако началъ уже таять; но дорогѣ, въ долинахъ между горъ, образовались почти рѣки. Обойти ихъ было нельзя, и мы должны были итти въ одномъ мѣстѣ, не менѣе версты, водою выше колѣнъ. Но пришедши на ночлегъ, высушили мокрую обувь и платье, на другой день пошли далѣе, какъ ни въ чемъ не бывало: такъ была крѣпка еще молодая натура. У сестры на новосельѣ я провелъ праздникъ весело и пріятно.

Въ Горицы же я послалъ поздравительныя письма.

О. Василій писалъ мнѣ въ отвѣтъ отъ 1-го апрѣля:

„Особеннымъ долгомъ поставляю привѣтствовать васъ съ прошедшимъ почти уже свѣтлымъ праздникомъ воскресенія Христова, равно и съ прошедшимъ же днемъ ангела вашего. При семъ сугубомъ обновленіи временъ и благодатномъ прилично пожелать вамъ обновленія духовнаго или воскресенія отъ мертвыхъ дѣлъ (кто есть человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ) и новаго преуспѣянія на поприщѣ наукъ и нравственности.

Приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность за

1839 г. огромный конвертъ и пріятное письмо ваше. Оно много принесло удовольствія по содержанію предметовъ трогательныхъ, чувствительныхъ, поучительныхъ — тѣмъ болѣе, что эти предметы очень близки моему сердцу

Но ваши сироты заслуживаютъ состраданія и сожалѣнія. Что-же намъ дѣлать въ такія печальныя минуты?

Упованіе возлагать на Того, который питаетъ птенцовъ врановыхъ и безъ власти Коего и власть главы нашей не гибнетъ.

Теперь кстати и о вашемъ прежнемъ намѣреніи ¹⁾. Вотъ и Хотимльское мѣсто завидно, а что оно значитъ? Побольше будто доходовъ, а то и пашутъ и орютъ, собираютъ дрова, — всякую величину, какъ пищіе — прошаки, а мужики и зазнаи и краснобаи, офени... а жепщины, какъ фуры (фуріи). Умному, чувствительному, съ добрымъ сердцемъ настырю истинное наказаніе такъ поступать и обращаться. Такъ привыкла деревенщина съ деревнями свататься. Но ежели еще достанется въ удѣль медвѣжій уголь-староникольщива или еще похуже, то и пои въкъ безконечную пѣсню: ей да оралъ мужикъ при торогѣ... Не сказки слова мои, но истинная правда. Пусть заслупаютъ такія мѣста тѣ, кто лишень отъ природы дарованій или лиходѣй fortuna не откроетъ случасвъ къ образованію. Вы природою награждены — а случаи открыты; — этотъ зовъ есть благодѣяніе Божіе и можетъ быть Богъ поставитъ Васъ тамъ, гдѣ свѣтъ вашъ долженъ просвѣтиться, гдѣ болѣе и церкви и отечеству можете принести пользы. Изъ академіи можете итти и узкимъ путемъ и пространнымъ — надѣтъ и клобукъ и сюртукъ и долгополую рясу. Что былъ Прохорычъ, а нынѣ протіерей и ключарь въ Пермскомъ соборѣ? Что былъ Флегонтъ нашъ Талантовъ? а нынѣ въ Казани при наперсномъ крестѣ. Вотъ нашъ братъ, яко олово погруженъ въ водѣ зельнѣ. Бранять и за то, что живемъ уединенно и скромно. Правда, я такъ нынѣ охладѣваю къ отличіямъ, что и помысловъ не имѣю о томъ никакихъ! Монастырь меня что — то страшитъ, потому что не дадутъ тамъ покою, а навяжутъ такое дѣло, которое заставитъ работать чужой мамонѣ. — нагонять за-

¹⁾ Быть священникомъ въ селѣ.

ботъ до пронасти, забудешь о молитвѣ и о спасеніи— 1839 г. особенно съ братіей православной. И вамъ такъ скоро рѣшаться не совѣтую, хотя-бы и выпадали случаи. Но можно послѣ подумать и потолковать о семь. Извините, пишу просто, откровенно и безъ вычуръ. Устали шатавшись за яицами; теперь первый день на свободѣ, за то гости навѣщаютъ. Итакъ, пожелавъ вамъ добраго здоровья и въ ожиданіи продолженія писемъ, остаюсь искренно-любящій села Горлицъ старопечатный попъ Василій Сапоровскій“.

Письмо это требуетъ нѣкотораго изъясненія.

Сироты, о которыхъ идетъ рѣчь въ письмѣ,—это дѣти умершаго наставника семинаріи, священника Егора Данилыча Борисоглѣбскаго. О. Борисоглѣбскій окончилъ курсъ въ Московской академіи въ 1830 году, съ званіемъ кандидата, и преподавалъ сначала риторику, а потомъ философію. 1-го октября, въ день праздника Покрова Пресвятой Богородицы, 1838 года, возвращаясь съ своими молодыми товарищами изъ гостей отъ священника Вознесенской церкви, онъ бѣжалъ въ высокую и крутую гору въ перегонку съ кѣмъ-то изъ этихъ товарищей, и взбѣжавши на гору упалъ и едва не умеръ тутъ же. Съ этого дня открылась у него какая-то внутренняя болѣзнь, которая приковала его на долго къ постели. Болѣзнь продолжалась во всю зиму; наконецъ, въ половинѣ геликаго поста 1839 года свела его въ могилу. Чинъ погребенія совершался въ семинарской Богородицкой церкви. Не помню, кто изъ наставниковъ говорилъ надгробную проповѣдь и кто изъ учениковъ произносилъ стихи: но живо помню, какъ молодая вдова Елисавета Ивановна (урожденная Флоринская), оставшаяся съ тремя малолѣтними дѣтьми, рыдала и терзалась при гробѣ столь преждевременно умершаго мужа. Картина была поразительная...

Прохорычъ, о которомъ упоминаетъ о. Сапоровскій,—это Гавріиль Погостовскій—изъ студентовъ Владимірской семинаріи—первый кандидатъ IX курса (1834 года) Московской академіи. Погостовскій извѣстенъ былъ по семинаріи о. Василю, такъ какъ съ нимъ квартировалъ его сынъ Яковъ Горлицкій.

Флегонтъ Тихонычъ Талантовъ — кандидатъ II курса

1839 г. (1820 года) Московской академіи, уроженецъ села Дунилова; потому о. Василій (Сапоровскій) и называлъ его нашъ.

По переходѣ въ высшее отдѣленіе, лучшихъ учениковъ обыкновенно послѣ Пасхи посвящали въ стихарь для произношенія проповѣдей въ приходскихъ церквахъ, во время пребыванія во Владимірѣ чудотворной иконы Боголюбской Божіей Матери съ 21-го мая по 16-е іюня. Я не помню, въ какой день посвященъ я былъ въ стихарь, но хорошо помню, что первую проповѣдь мнѣ пришлось произносить въ Борисоглѣбской церкви, въ присутствіи губернатора Ивана Эммануиловича Кугуты, такъ какъ это приходская церковь Владимірскихъ губернаторовъ. Проповѣдь была изъ текста: *И прошедши вся двери, ста предъ царемъ* (Есв. V, 1). Мой первый опытъ проповѣдничества былъ удаченъ: и содержаніе проповѣди и произношеніе ея было одобрено губернаторомъ. Опъ это лично выразилъ мнѣ послѣ обѣдни. Кугута—грекъ, сынъ извѣстнаго совоспитанника Великаго князя Константина Павловича.

Въ первыхъ числахъ іюля разнесся слухъ между нами о прїѣздѣ изъ академіи ревизора. 8-го числа, часа въ два по полудни, дѣйствительно, прибылъ во Владиміръ ректоръ Московской академіи, архимандритъ Филаретъ (впослѣдствіи архіепископъ Черниговскій † 1866 го года), а въ четыре часа мы собраны были уже въ семинарію, и опъ немедленно приступилъ къ испытанію учениковъ высшаго отдѣленія по предмету Библейской и Церковной исторіи. Угрюмый видъ ревизора произвелъ на насъ подавляющее впечатлѣніе. При экзаменѣ, опъ по всеъмъ предметамъ много дѣлалъ ученикамъ возраженій, которыя ставили ихъ иногда въ тупикъ: въ этомъ случаѣ за учениковъ долженъ былъ отвѣчать наставникъ. Для насъ было очень интересно видѣть, какъ будетъ вести полемику съ ревизоромъ профессоръ Богословія, бывший Гіевскій бакалавръ, іеромонахъ Рафаилъ. Я былъ свидѣтелемъ этой полемики. Не помню, по какому вопросу завязался между ревизоромъ и профессоромъ жаркій споръ. Рафаилъ, послѣ долгаго словопренія, разгорячившись (а опъ былъ чрезвычайно пылкаго характера), сказалъ наконецъ: „да объ этомъ нигдѣ не говорите у отцевъ церкви“. Ревизоръ, въ свою очередь разсердив-

инсь, сказалъ на это въ отвѣтъ: „да ты еще не всѣхъ 1839 :
отновъ-то прочиталъ“. На этомъ и прекратилась бурная
полемика между двумя учеными борцами. Рафаилъ посѣ
сильно негодовалъ на ревизора за такой его отвѣтъ.

13-го іюля былъ у насъ, какъ всегда, публичный экзамень.
Присутствовалъ-ли на немъ ревизоръ или нѣтъ, не помню:
но достовѣрно то, что Преосвященнаго на ономъ не было.
Съ 1-го іюля и по августъ онъ путешествовалъ по епар-
хіи, между прочимъ, въ селѣ Симѣ, Юрьевского уѣзда,
хлопоталъ, какъ самъ онъ извѣщалъ Новгородскаго вла-
дыку Серафима, объ отправленіи тѣла князя Багратіона
на поле Бородинское ¹⁾.

Къ публичному испытанію велѣно было и моему това-
рищу Павлу Приклонскому приготовить благодарственную
рѣчь. Такъ какъ Приклонскій въ спискѣ нашего отдѣленія
стоялъ выше меня, то я и предоставилъ ему эту честь, а
самъ и не думалъ о составленіи рѣчи. Между тѣмъ, за
день до экзамена, о. Діонисій призываетъ меня и спраши-
ваетъ, приготовилъ-ли я рѣчь. „Нѣтъ“, отвѣчалъ я.—По-
чему?— „Потому что, вѣроятно, приготовилъ Приклонскій“.
О. Діонисій, разсердившись на меня, хотя онъ никогда не
былъ склоненъ къ гнѣву, строго приказалъ мнѣ итти и
сейчасъ-же приготовить рѣчь. Дѣлать было печего, надобно
было исполнить волю любимаго и досточтимаго наставника.
Написавши наскоро нѣсколько строкъ, я представилъ ихъ о.
Діонисію. Онъ исправилъ мое писаніе и, переписавши на
бѣло своею рукою, вручилъ мнѣ для произнесевія предъ
публикой. Вотъ эта рѣчь:

„Почтеннѣйшіе посѣтители!

и вы поносительнѣйшіе отцы, наставники!

Нуженъ, необходимъ теплотворный свѣтъ весенняго
солнца для молодыхъ, нѣжныхъ растений; онъ живить и
осѣменяетъ ихъ къ обильному плодоношенію въ свое время.
Теперь и у насъ — въ этомъ юномъ, живомъ вертоградѣ
цвѣтущая весна; молодые умы наши только что раскрыли
нѣжные цвѣтки своихъ познаній. Менѣ ли поэтому нужны,
менѣ ли необходимы и намъ живительные лучи свѣта для

¹⁾ Влад. Епар. Влад 1879 г. № 2, стр. 51. Прибавилъ Влад. Гибертск.
Влад 1839 г. № 28.

1839 г. принесенія зрѣлыхъ плодовъ ученія? Такъ! но какіе это лучи? Что это за свѣтъ? Это одобрительные взоры вашего свѣтлаго собранія, п. п.! и теплотворная, отеческая заботливость попечительнѣйшихъ начальниковъ нашихъ. О, мы знаемъ, мы чувствуемъ, какъ все это живительно для юнаго воспитанника! Вашъ одобрительный взоръ, ваше заботливое вниманіе вливаютъ въ сердца наши благородную смѣлость для успѣшнаго прохожденія предначатаго поприща наукъ, вдыхаютъ свѣтлыя надежды пожать благословенные плоды засѣяннаго въ душахъ нашихъ. Чѣмъ возблагодаримъ васъ? Чѣмъ отвѣтимъ на ваши благородныя желанія возбудить въ насъ ревность къ продолженію ученія? Усерднымъ стараніемъ — соотвѣтствовать вашимъ благожеланіямъ“.

Въ этомъ году, изъ Владимірской семинаріи велѣно было Коммиссіею Дух. Училищъ послать трехъ воспитанниковъ въ духовныя академіи — Петербургскую и Кіевскую. Въ Петербургскую посланъ былъ мой помянутый выше товарищъ Приклонскій, а въ Кіевскую по одному изъ прочихъ отдѣленій, а именно: изъ 1-го отдѣленія Владиміръ Владиславлевъ, и изъ 3-го — Павелъ Сокольскій. Но изъ нашего 2-го отдѣленія въ то-же время отпращенъ былъ, по особому экстренному распоряженію высшаго начальства, одинъ ученикъ, имено Григорій Алякринскій въ Московскую академію въ необычное время, среди академическаго курса.

Спрашивается: что это значитъ? Это значитъ, что Алякринскій былъ двоюродный внукъ графа М. М. Сперанскаго, скончавшагося 11 февраля 1839 года. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода графъ Протасовъ, желая почтить память великаго государственнаго мужа, и узнавши, что во Владимірской семинаріи воспитываются два сына родной его племянницы, Александръ и Григорій Алякринскіе, предложилъ Св. Синоду опредѣлить ихъ на казенный счетъ въ высшія учебныя заведенія, по ихъ собственному избранію. Въ слѣдствіе сего, изъ братьевъ Александръ Алякринскій поступилъ въ Московскую медицинскую академію, а младшій Григорій въ Московскую же дух. академію.

Отправившись домой на вакацію, я большую часть времени провелъ у старшей сестры въ Ивановѣ и достаточно

ознакомился съ этимъ знаменитымъ центромъ мануфактурной промышленности. Къ сожалѣнію, не задолго до нашихъ каникулъ, а именно 13-го мая, Иваново опустошено было страшнымъ пожаромъ, истребившимъ до 416 домовъ съ 61 фабрикою; убытокъ, причиненный этимъ пожаромъ, простирается свыше милліона рублей серебромъ.

Сообщу здѣсь краткія историко-статистическія свѣдѣнія о селѣ Ивановѣ.

Иваново находится отъ города Шуи въ 30-ти верстахъ. Первоначальная исторія его восходитъ къ половинѣ XVI вѣка. Въ 1561 году оно, какъ богатое имѣніе, пожаловано было царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ его шурыямъ, князьямъ Темрюковичамъ-Черкасскимъ и оставалось въ ихъ родѣ до 1711 года. Въ этомъ году оно поступило въ приданое единственной дочери канцлера, князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго, княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, выданной въ замужество за графа Петра Борисовича Шереметева и до послѣдняго времени оставалось въ родѣ Шереметевыхъ. Въ 1871 году богатое село это, вмѣстѣ съ находившеюся при немъ Вознесенскою слободою, переименовано въ безуѣздный городъ Иваново-Вознесенскъ.

Въ старину жители села Иванова славились своими холстами, сукнами, а также шерстобитствомъ и плотничествомъ. Но съ 1751 года возникла тамъ ситцевая и миткалевая фабрикація. Фабрикація эта, постепенно расширяясь, въ половинѣ текущаго столѣтія достигла огромныхъ размѣровъ, такъ что ситцевыхъ произведеній продавалось въ годъ на сумму свыше 8-ми милліоновъ рублей серебромъ.

Коренное населеніе Иванова въ сороковыхъ годахъ простиралось до 5-ти тыс. душъ обоего пола; но при этомъ живущихъ на многочисленныхъ фабрикахъ и заводахъ рабочихъ было не менѣе 20-ти тысячъ душъ.

Въ Ивановѣ, при многочисленномъ населеніи, въ то время было только двѣ приходскія церкви ¹⁾, но съ тремя штатами клира при каждой. Сверхъ лѣтнихъ холодныхъ церквей, въ томъ и другомъ приходѣ имѣются зимнія теплыя церкви—всѣ каменные. Храмы, въ особенности лѣтніе, обширны и

1) Въ настоящее время 6 приходскихъ церквей, не считая единовѣрческой и каѣбщенской.

1839 г. весьма благолѣбны; прензобилуютъ дорогими утварями и ризничными принадлежностями. Въ 1871 году, при преобразованіи села Иванова въ городъ, одна изъ приходскихъ церквей — Покровская, при которой до 1754 года существовалъ мужскій монастырь, переименована въ соборъ ¹⁾.

Когда я гостилъ въ Ивановѣ у сестры, я чаще посѣщалъ въ воскресные и праздничные дни приходскую Крестовоздвиженскую церковь и съ здѣшнимъ клиромъ былъ больше знакомъ, нежели съ Покровскимъ. Между священниками Крестовоздвиженской церкви священникъ о. Іаковъ Васильичъ Виноградовъ доводился мнѣ даже въ какомъ-то родствѣ.

Во время каникулъ я былъ, разумѣется, и въ Горицахъ; не преминулъ быть на праздникъ Успенія Божіей Матери и въ Хотимлѣ.

Здѣсь увидѣлся я въ первый разъ съ родственникомъ своимъ, Вязниковскимъ городовымъ врачомъ Ил. Из. Палеховскимъ. Онъ спросилъ меня, куда я намѣренъ поступить по окончаніи курса семинаріи. Когда я въ отвѣтъ сказалъ ему, что въ духовную академію или во священника, онъ совѣтовалъ мнѣ поступить въ университетъ на юридическій факультетъ. Когда я потомъ сообщилъ объ этомъ старшей сестрѣ своей М. М., она мнѣ съ особеннымъ чувствомъ замѣтила: „ахъ, батюшки, какъ это можно; да кто-же за насъ будетъ Богу-то молиться? Нѣтъ ужъ ты пооди лучше во священники, а въ университетъ не ходи“. Но у меня и самого не было ни малѣйшаго расположенія къ свѣтской жизни.

Въ послѣднихъ числахъ августа поспѣшилъ я, конечно, возвратиться во Владиміръ къ своимъ любимымъ занятіямъ науками.

Въ сентябрѣ послѣдовала у насъ перемѣна инспектора. Умный и кроткій о. Митрофанъ подвергся тяжкому иску-

¹⁾ Свѣдѣнія эти замѣтованы мною большею частію изъ книги: „Описание г. Шуи и ея окрестностей“, *Вл. Борисова*, М. 1854 г. стр. 144—153. По статист. свѣдѣніямъ за 1879 г., фабрикъ и заводовъ въ Из.-Вознесенскѣ было 49; ситца выработывалось до 3.230,000 кусковъ на сумму до 25 мил. рублей (*Моск. Вѣд.* 1880 г. № 32). О современномъ состояніи г. Из.-Вознесенска свѣдѣнія заключаются въ книгѣ *Я. П. Гаршина* „Городъ Иваново-Вознесенскъ“, Шуя, 1885 г.

пенію. Владиміръ — мѣсто его семинарскаго образованія, 1839 г во время коего онъ имѣлъ здѣсь недобрыя связи и знакомства. Возвратившись снова сюда послѣ четырехлѣтняго воспитанія въ Петербургской академіи, онъ, не смотря на свой монашескій санъ, возобновилъ прежнія знакомства и связи, которыя его погубили безвозвратно. Разъ поздно ночью, возвращаясь изъ дому одного изъ своихъ недобрыхъ друзей въ нетрезвомъ видѣ, онъ взятъ былъ въ полицію. О такомъ скандалѣ Преосвященный не могъ, разумѣется, не довести до свѣдѣнія высшаго начальства. Вслѣдствіе сего, несчастнаго о. Митрофана удалили вовсе отъ семинаріи и послали въ число братства въ Переславскій Даниловъ монастырь, состоявшій подъ управленіемъ ректора семинаріи архимандрита Поликарпа. Но и здѣсь онъ не долго оставался; его перевели почему-то въ Южскую Доросееву пустынь, Ярославской епархіи, гдѣ онъ погибъ наконецъ самымъ бѣдственнымъ образомъ. Не помню, кто мнѣ рассказывалъ, что о. Митрофанъ, отлучившись разъ, въ зимнее время, изъ пустыни, болѣе въ нее не возвращался, и только уже весною найденъ былъ на полѣ или въ лѣсу, съ выклеванными глазами. Къ чему-же, — невольно спросишь, — служить наша высокая ученость безъ твердыхъ нравственныхъ правилъ?! Какъ справедливо послѣ сего изреченіе, не помню, какого философа: „Qui proficit in litteris, sed deficit in moribus, plus deficit, quam proficit“¹⁾.

Инспекторскую должность Митрофана занялъ опальный профессоръ Богословія, іеромонахъ Рафаиль, а на профессорскую присланъ былъ окончившій курсъ въ этомъ-же 1839 году въ Киевской академіи, со степенью магистра, іеромонахъ Евѣмій (Бѣзиковъ).

О совершившейся съ инспекторомъ Митрофаномъ катастрофѣ преосвященный Парѣній писалъ митрополиту Серафиму отъ 4-го ноября: „семинарія многолюдная, но ректоромъ старой печати доволенъ. Повопечатнаго инспектора

¹⁾ Объ инспекторѣ Митрофанѣ см. во *Влад. Епарх. Вѣдомостяхъ* 1880 г. стр. 427 и слѣд. (Письма архіеп. Парѣнія къ моск. митр. Филарету). Письмо м. Филарета къ архіеп. Парѣнію отъ 1-го января 1839 г. № XXV въ *Правосл. Обозрѣніи* за 1872 годъ.

1839 г. невоздержнаго и неустроеннаго спустилъ. Заступившій его мѣсто бакалавръ Кіевскій—Рафаилъ, за норовъ свой попавшій въ Спасо-Евѣиміевъ монастырь и тамъ обидѣвшійся, кажется, надеженъ“ ¹⁾).

Около того же времени явился къ намъ на мѣсто профессора Церковно-библейской исторіи и еврейскаго языка, Г. Я. Смирнова кандидат XIII курса (1839 года) Петербургской академіи Алексѣй Ивановичъ Недешевъ, сынъ протоіерея и законоучителя Смольнаго монастыря въ Петербургѣ—уроженца Владимірской епархіи ²⁾). Молодой, красивый собою, съ изящными манерами, Алексѣй Иванычъ явился къ намъ въ классъ въ модномъ фракѣ и въ шубѣ на какомъ-то, не виданномъ у насъ, дорогомъ мѣху. Небрежно сбросивъ съ себя шубу, онъ остался во фракѣ и началъ, ходя по классу взадъ и впередъ, что-то намъ проповѣдывать; но какъ наша классная комната, хотя очень не большая, была недостаточно натоплена, а можетъ быть и вовсе не была топлена и какъ въ поученіи юнаго наставника не возгарался еще огонь, то нашъ петербуржецъ ежился—ежился, наконецъ, попросивши у насъ извиненія, поспѣшилъ вернуться въ свою теплую шубу и продолжалъ ораторствовать, сидя уже за своимъ преподавательскимъ столомъ. Съ порученнымъ ему предметомъ онъ былъ, какъ видно, очень мало знакомъ; но намъ пріятно было слышать его живую, веселую болтовню; у насъ вовсе почти не было наставниковъ съ живымъ, свободнымъ словомъ. Нашъ молодой наставникъ, вмѣсто серьезнаго преподаванія предмета, занималъ насъ забавными анекдотами. Онъ рассказывалъ, напримѣръ, намъ, что онъ видѣлъ въ Ревельской лютеранской киркѣ картину, на которой изображено путешествіе Іакова въ Месопотамію: Іаковъ представленъ сидящимъ въ коляскѣ, запряженной парюю лошадей пугомъ. Единственнымъ памятникомъ преподаванія Церковной исторіи г. Недешевымъ сохранились у меня на двухъ или трехъ листахъ записки объ отдѣленіи Западной церкви отъ Восточной.

¹⁾ Влад. Ет. Вѣдомости 1879 г. № 2, стр. 51.

²⁾ О протоіерее Іоаннѣ Недешевѣ—см. въ Русск. Арх. 1881 г., т. II, тр. 450.

Что касается до еврейскаго языка, который суждено было 1839 г преподавать г. Педешеву, то онъ не зналъ по этому предмету, какъ говорится, ни аза въ глаза. Мы, по крайней мѣрѣ, паучились уже у прежняго профессора читать и писать по еврейски, и даже умѣли дѣлать разборъ грамматическій, знали довольно твердо формы глаголовъ: онъ читать даже не умѣлъ. Бывало, придетъ къ намъ въ классъ съ нѣмецкою Библіею, и когда кто-нибудь изъ насъ, прочитавши по еврейской Библии какой-нибудь стихъ, начинаеть повторять готовый уже переводъ протоіерея Павскаго, онъ не обипуясь говорилъ иногда: „что это, господа, по нѣмецки-то не такъ нужно перевести“. Диковинныя дѣла творились въ наши блаженныя времена!... Но г. Педешевъ, не разумѣя еврейскаго языка, владѣлъ нѣмецкимъ такъ же свободно, какъ и русскимъ: поелику родился и воспитался среди нѣмцевъ, въ Ревелѣ, гдѣ отецъ его былъ сначала на службѣ.

Не долго однакожь оставался у насъ этотъ милый учитель-полунѣмецъ; онъ мелькнулъ предъ нашими глазами, какъ метеоръ: чрезъ мѣсяць или два его уже не стало: онъ улетѣлъ назадъ, въ сѣверную столицу, не помню, на какую должность.

Его мѣсто занялъ у насъ товарищъ его по академіи и также кандидатъ Александръ Аонасьевичъ Кохомскій—сынъ архіерейскаго ризничаго во Владимірѣ, о. Аонасія, который много лѣтъ занималъ эту должность, не состоя ни при какой городской церкви: за нимъ числилось священническое мѣсто при церкви села Лежнева, о которомъ у меня была выше рѣчь.

Кохомскій составлялъ совершенный почти контрастъ съ Педешевымъ. Высокаго роста, плечистый, съ грубоватыми манерами и съ сильнымъ басистымъ голосомъ, онъ производилъ на нервы какое-то раздражающее впечатлѣніе, хотя былъ характера простого и очень добраго. На его долю выпало преподавать намъ Исторію русской церкви. Вытвердить, бывало, на память какой-нибудь рассказъ по печатному руководству и, ходя по классу, читаетъ своимъ басистымъ, отрывистымъ голосомъ, какъ будто дрова рубить. Не знаю, почему, ему-же поручено было преподавать намъ уроки по Свящ. Писанію В. Завѣта. Желая, вѣроятно,

1840 г. блеснуть предъ нами своею ученостію, онъ предложилъ намъ самимъ указать ему ту или другую книгу В. Завѣта для объясненія, и когда я предложилъ ему книгу пророка Іезекииля: то онъ, подошедши ко мнѣ и положивъ свои могучія руки на мои плечи, съ наивностію сказалъ: „нѣтъ, Иванъ Михайловичъ, эту книгу я не въ состояніи объяснить, укажите другую“.

Не долго оставался при семинаріи и г. Кохомскій. Онъ принялъ священный санъ и опредѣленъ былъ къ Спасской города Шуи церкви.

А. А. Кохомскій оставилъ по себѣ въ нашей семинаріи память тѣмъ, что онъ первый вывезъ изъ Петербурга литографированный экземпляръ русскаго перевода учительныхъ и пророческихъ книгъ В. Завѣта, сдѣланнаго протоіереемъ Павскимъ и надѣлавшаго въ свое время столько шума. Съ этого экземпляра тотчасъ же сдѣлано было наставниками и учениками семинаріи нѣсколько списковъ. Имѣлъ и я у себя полный списокъ этого перевода.

Предполагая отправиться на Рождественскіе праздники на родину и желая показать тамъ предъ родными и Горицкими прихожанами свое ораторское искусство, я заблаговременно приготовилъ проповѣдь на повый (1840 г.) годъ и представилъ на разсмотрѣніе о. Діонисія. Тотъ одобрилъ ее къ произнесенію. При семъ имѣлъ я въ виду примѣръ своего двоюроднаго брата Ивана Петровича, который, бывши въ богословскомъ классѣ, пришелъ разъ домой также съ проповѣдью на день Казанской Божіей Матери (8-го іюля). Но между тѣмъ, какъ его проповѣдь еще въ домѣ, какъ я помню, выслушана была съ умиленіемъ его родителями, а въ церкви она привела въ восторгъ его нѣжную матушку, моя проповѣдь не имѣла такого успѣха и даже мнѣ не очень охотно дозволили произнести ее. Такова сила пристрастія и зависти!..

Такъ начался для меня новый, послѣдній годъ моего школьнаго образованія и воспитанія.

По возвращеніи съ родины, я продолжалъ заниматься науками обычнымъ порядкомъ. Но исполняя свои школьныя обязанности, я не отказывался облегчать труды и другихъ. Въ такихъ отношеніяхъ я былъ къ сыну Муромскаго игумена Варлаама († 1844 года), ученику средняго отдѣленія

Цѣль Вигиланскому, немощному тѣломъ и не крѣпкому духомъ. Въ свою очередь, и онъ не оставался предъ мною въ долгу: за духовную помощь онъ воздалъ мнѣ вещественною мздою.

Страстную и свѣтлую недѣлю провелъ я во Владимірѣ. За тѣмъ незамѣтно прошла для насъ послѣдняя, правду сказать, не легкая треть; нужно было къ окончательнымъ испытаніямъ повторить все, что было пройдено въ теченіи двухъ лѣтъ.

Наконецъ насталь день торжественнаго акта. На немъ присутствовали и преосвященный архіепископъ Пароеній, и почтенный губернаторъ Кугута—грекъ и прочая Владимірская знать. Съ цѣлію доставить удовольствіе губернатору—греку начальство распорядилось прочитать на актѣ что-либо по гречески. Преподаватель греческаго языка въ нашемъ 2-мъ отдѣленіи, Аѳ. Пик. Яковлевскій ¹⁾ избралъ изъ лирическихъ пѣснопѣній Св. Григорія Богослова гимнъ Богу и перевелъ его на русскій языкъ мѣрною стихотворною рѣчью, а мнѣ поручено было выучить наизусть какъ греческій текстъ, такъ и русскій переводъ, и произнести съ кафедры. Этотъ сюрпризъ доставилъ Н. Эм. Кугутѣ великое удовольствіе. Вотъ какъ читается этотъ гимнъ:

<i>Σὲ τὸν ἀσθιτοῦ μοιάρχη</i>	Тебя, вѣчный Вседержитель.
<i>Δὸς ἀνεμνεῖν, δὸς ἀείδειν.</i>	Дай воспѣть, дай восхва- лить мнѣ.
<i>Τὸν ἄνακτι, τὸν δεσπότην</i>	О! Господь и Царь все- вышній!
<i>Αὐτὸν ὅτι ἕμους, διὸν αἶνος</i>	Отъ котораго хвала, пѣснь;
<i>Αὐτὸν Ἀγγέλων χορεία</i>	Отъ котораго ликъ Ан- гельскъ;
<i>Αὐτὸν αἰῶνες ἀπαντοί.</i>	Отъ котораго все вѣки;
<i>Αὐτὸν ἥλιος προλάμπει,</i>	Отъ котораго свѣтъ солнца,
<i>Αὐτὸν ὁ δρόμος σελήνης,</i>	Отъ котораго луны бѣгъ;
<i>Αὐτὸν ἀστρῶν μέγα κύμας</i>	Отъ котораго краса звѣздъ;
<i>Ἢ ὅτι ἄνθρωπος ὁ σεμνὸς</i>	Отъ котораго честь твари—
<i>Ἐλάχε νοεῖν τὸ θεῖον.</i>	Человѣкъ съ душой разум- ной

¹⁾ А. П. Яковлевскій ум. 16 апр. 1881 г. на 77 г. жизни. См. некрологъ его въ № 11 Влад. Ев. Вѣд. за 1881 г.

1840 г. *Λογικὸν ζῶον ἐπιόχων.*
Σὺ γὰρ ἔκτισας τὰ πάντα
Παρέχων τάξι' ἐκάστω,

Συρέχων τε τῇ προνοίᾳ.

Λόγον εἶπας, πέλεν ἔργον.

Ὁ Λόγος σου Θεὸς υἱός,

Ὁμοούσιος γὰρ ἐστίν,

Ὁμότιμος τῷ τεκόντι
Ὅς ἐφῆρμωσε τὰ πάντα,

ἵνα πάντων βασιλεύσῃ.

Περιλαμβάνων δὲ πάντα

Ἅγιον πνεῦμα τό θεῖον
Προνοούμενον φυλάττει.

Τριάδα ζῶσαν ἐρῶ σί,
Ἐνα καὶ μόνον μοιόρητον,

Φέσειν ἀτρέπτον, ἀταρχον,
Φέσειν οὐσίας ἀφραστον
Σοφίας τοῦτ' ἀνέφικτον,

Κράτος οὐρανῶν ἀπειστον

Ἄτερ ἀρχῆς, ἀτέρατον,
Ἀκατασκόπητον ἀγῆν,

Ἐφορῶσαν δὲ τὰ πάντα,
Βάθος οὐδὲν ἀγροῦσαν.
Ἀπὸ γῆς μέχρις ἀβύσσου
Πάτερ, ἕως γένου μοι
Ἄν παρτὸς θεραλεύειν
Τὸ σέβασμα τοῦτο, δός μοι.

Боговѣденыя пріялъ даръ.
 Ибо Ты, все Ты содѣлалъ:
 Ты порядокъ всѣмъ вещамъ
 далъ,
 И содержать все Твой Про-
 мыслъ.
 Ты рекъ слово, — и свер-
 шилось!
 Твое Слово Сынъ и Богъ
 есть,
 Равносущный, равночест-
 ный
 Со Отцемъ Своимъ; Единый
 Тотъ, Который все устро-
 илъ,
 Да и царствуетъ надъ всѣмъ
 Онъ.
 Все объемлетъ же и дер-
 жить,
 Промышляегъ, сохраняетъ.
 Святой Духъ, равно Боже-
 ственъ.
 Къ Тебѣ убо, Трисіянна
 Жизнь!... Единъ Едино-
 властный!
 Неизмѣнный, Самосущій!
 Въ существѣ неизреченный!
 Умъ премудрый, непостиж-
 ный!
 Небесамъ даяй ходъ строи-
 ный!
 Безначальный, безконечный!
 Свѣтъ незримый, но все ви-
 дящъ
 Совершенно и всѣ знающъ
 Глубины земли и моря!
 Къ Тебѣ убо воззову я:
 Отче! милостивъ мнѣ буди;
 Дажь, да имени святому
 Твоему служу я вѣчно;

Τὰ δ' ἁμαρτήματα ἕψον,
Τὸ συνειδὸς ἐκκαθαίρων
Ἀπὸ πάσης κακονοίας.

Ἵνα δοξάσω τὸ θεῖον
Ὁσίας χεῖρας ἐπαίρων.
Ἵνα Χριστὸν εὐλογήσω
Ἰὼνυ κίμπτων ἱκετεύσω

Τότε προλαβεῖν με δοῦλον,

Ἵτ' ἄν ἔλθῃ βασιλεύων.
Πάτερ, ἵλεως γένου μοι
Ἐλεος καὶ χεῖρ εὖρω.
Ἵτι δόξα καὶ χάρις σοι
Ἀχρὶ αἰῶνος ἀμήτρον.

Отыми мои грѣхи всѣ,
И очисти мою совѣсть
Отъ всѣхъ мыслей нечести-
выхъ.

Да Тебя, о Боже, славлю
Воздѣвъ руки преподобны;
И Христа благословляю
Преклонивъ, молю, колѣна
Чтобъ пріялъ меня раба

Онъ,
Когда такъ, какъ Царь,
прійдетъ...

Отче! милостивъ мнѣ буди:
Да обрящу благодать я.
Тебѣ слава, благодарность
Въ нескончаемые вѣки ¹⁾.

1840 :

Мнѣ же суждено было и заключить торжественный актъ благодарственною рѣчью. Вотъ ея содержаніе:

„Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

По словамъ древняго, вѣщеноснаго Наблюдателя премудраго порядка вещей въ природѣ, всему назначено свое время подъ небесемъ. *Время*, говоритъ онъ, *садити и время исторгати сажденное* (Еккл. III, 2).

Было время, когда и въ этомъ юномъ, живомъ вертоградѣ насаждали первоначальныя сѣмена плодотворнаго ученія. Потомъ долго, очень долго возростали онѣ, при тщательномъ наблюденіи заботливыхъ дѣлателей—наставниковъ, подъ Твоимъ, попечительнѣйшимъ Архипастырѣ, непосредственнымъ вліяніемъ. Наконецъ приспѣла жатва. Се очи Твои, мудрый Архипастырѣ, зрѣли плоды долговременнаго ученія, какіе каждый изъ сихъ юныхъ воспитанниковъ принесъ по роду своему, соотвѣтственно талаптамъ, врученнымъ отъ верховнаго Раздаятеля всяческихъ. Не смѣлъ думать, чтобъ это были плоды зрѣлые, знаніе полное, совершенное: но для добраго нѣжнаго отца прія-

¹⁾ Гимнъ этотъ, въ юномъ переводѣ, напечатанъ въ книгѣ: „Историч. обзоръ пѣнопѣвцевъ и пѣнопѣній греческой церкви“, *Филаретомъ*, арх. еписк. Черниговскаго, Сиб. 1860 г. стр. 93 и сл.

1840 г. тень, восхитителецъ и бессмысленный лезть младенца— дитяти.

Прими же и Ты, добрый, попечительнѣйшій Отецъ нашъ, прими благосклонно скудные плоды ученія сихъ юныхъ чадъ Твоихъ! Прими милостивно и посѣти благоволеніемъ своимъ духовный виноградъ сей, который и насажденъ и выращенъ подъ Твоею высокою, священною десницею! И, если наблюдательный взоръ Твой обрѣлъ хотя малѣйшій плодъ, освяти его въ насъ Своимъ Архипастырскимъ благословеніемъ“.

Въ награду за это я получилъ изъ рукъ Архипастыря большую, пребольшую книгу, въ 4 д. листа, подъ заглавіемъ: „Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе на литургію“, *Дмитревскаго*. М. 1816 г.

Предъ окончаніемъ курса, требоваешь, по распоряженію начальства, изъ Владимірской семинаріи, на казенный счетъ, четыре воспитанника въ Московскую дух. академію. Но какъ у насъ было три богословскихъ отдѣленія, то семинарское начальство распорядилось избрать изъ каждаго отдѣленія по два лучшихъ воспитанника и подвергнуть ихъ особому испытанію. Въ числѣ избранныхъ оказался и я. Но, по несчастію, къ назначенному для испытанія дню, я не могъ явиться въ семинарское правленіе по причинѣ сильной боли въ горлѣ, такъ что я не могъ вовсе говорить. Послѣ, когда болѣзнь моя миновала, о. ректоръ Поликарпъ предлагалъ мнѣ держать особый экзаменъ, но я, видя въ своей болѣзни какъ-бы особое указаніе Промысла Божія, отказался отъ предложенія. Товарищъ мой по классу Михайлъ Граменицкій отрекся вовсе отъ поступленія въ академію. Такимъ образомъ въ академію назначены слѣдующіе студенты: Василій Русиновъ, Сергѣй Красовскій, Флавій Скабовскій и Василій Гурьевъ. Но изъ нихъ ни одинъ не вышелъ изъ академіи съ степенью магистра.

Какая-же, спрашивается, дальнѣйшая судьба ожидала насъ съ Граменицкимъ?—Намъ обоимъ обѣщали на первый разъ предоставить лекторскія должности по французскому и нѣмецкому языкамъ при семинаріи, съ жалованьемъ по 120 рублей ассигнаціями въ годъ. Мы съ благодарностію, конечно, приняли это милостивое обѣщаніе.

На другой или на третій день послѣ публичнаго экза-

мена намъ выдали изъ семинарскаго правленія аттестаты 1840₁
объ успѣхахъ и поведеніи. Въ моемъ аттестатѣ означены
были по всѣмъ предметамъ самыя лестныя отзывы. Полу-
чивъ такой аттестатъ, я былъ въ неописанномъ восторгѣ.

За тѣмъ я отправился на родину, разумѣется, пѣшкомъ.
Мы шли вдвоемъ съ товарищемъ Гавриломъ Добровольскимъ.
За Суздалемъ насъ настигла архіерейская карета, въ ко-
торой ѣхалъ преосвящ. Парѣній съ архимандритомъ Іеро-
нимомъ (о которомъ впослѣдствіи будетъ рѣчь) по напра-
вленію къ г. Шуѣ. Поровнявшись съ нами, карета оста-
новилась и мы должны были къ ней подойти. Владыка,
черезъ отверстое окно кареты, благословилъ насъ и спро-
сивши наши фамиліи, благоволилъ дать намъ—одному
двугривенный, а другому пятиалтынный, Это намъ—сиро-
тамъ (Добровольскій также сирота и жилъ со мною въ
бурсѣ) пригодилось на дорогу. На эти деньги мы могли
провести цѣлыя сутки въ дорогѣ.

Послѣдняя вакація послѣ напряженныхъ, утомительныхъ
трудоѵ и послѣ счастливаго окончанія шестилѣтняго семи-
нарскаго ученія, прошла для меня весело и быстро, среди
постоянныхъ переселеній съ одного мѣста на другое. По
окончаніи каникулъ, я, взявши у своего опекуна послѣдніе
десять рублей, отправился во Владиміръ въ пріятной на-
деждѣ на полученіе обѣщанной мнѣ должности лектора
французскаго языка. Но каково было мое разочарованіе,
когда я, пріѣхавши во Владиміръ, узналъ, что лекторскихъ
должностей при семинаріи болѣе не существуетъ, что онѣ,
по распоряженію высшаго начальства, совсѣмъ упряднены.

Что-же мнѣ, горькому сиротѣ, съ единственными десятью
рублями въ карманѣ, оставалось дѣлать? Двери въ бурсу для
меня были уже закрыты, я долженъ былъ остановиться на
наемной квартирѣ, имѣть свой столъ и прочее содержаніе.
До сихъ поръ, пользуясь всегда казеннымъ содержаніемъ
и имѣя въ запасѣ небольшія собственныя средства, я не
испытывалъ ни въ чемъ особенной пужды, а теперь—я
долженъ былъ встрѣтиться съ нищетою лицомъ къ лицу.

Ничего болѣе не оставалось мнѣ дѣлать, какъ искать
или частныя уроки, или священническое мѣсто: но прохо-
дитъ недѣля, и двѣ, и три, а у меня ни уроковъ, ни мѣста
въ виду не имѣется. Правда, мнѣ еще предъ вакаціей

1840 г. предлагали священническое мѣсто въ селѣ Абакумовѣ, Покровскаго уѣзда, и даже показывали невѣсту, но мнѣ почему-то не хотѣлось еще тогда выходить на мѣсто. Между тѣмъ, этимъ мѣстомъ и этой невѣстой послѣшилъ воспользоваться мой товарищъ и другъ Граменицкій, счастливо избавившійся отъ знаменитой невѣсты, которую ему навязывали, — родной племянницы преосвященнаго Паренія.

Разскажу здѣсь, какъ это было. Предъ окончаніемъ нашего курса, привезли къ Преосвященному изъ Москвы его родные свою дочь — невѣсту съ надеждою пристроить ее въ Владимірской епархіи къ какому-нибудь мѣсту. Преосвященный обратился къ семинарскому начальству съ требованіемъ избрать и указать для его племянницы изъ окончившихъ курсъ семинаристовъ достойнаго жениха. Выборъ палъ на Граменицкаго. Его представили Преосвященному, а тотъ велѣлъ показать его невѣстѣ. Но Граменицкій послѣ перваго свиданія съ невѣстою, испуганный и разстроенный приходитъ въ бурсу и обращается ко мнѣ за совѣтомъ, что ему дѣлать и какъ избавиться отъ предстоящей бѣды. Невѣста показалась ему слишкомъ бойкою и рѣзвою, а онъ юноша тихій, скромный, застѣнчивый — однимъ словомъ выходецъ изъ темныхъ Муромскихъ лѣсовъ, сынъ бѣднѣйшаго дьячка села Лыкина Муромскаго уѣзда. Я далъ ему дружескій совѣтъ отказаться отъ невѣсты, если она ему не нравится, и убѣдилъ его идти къ инспектору о. Рафаилу и откровенно объясниться съ нимъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Семинарское начальство доложило Преосвященному о нежеланіи Граменицкаго жениться на его племянницѣ. Тогда Владыка поручилъ тому же начальству предложить желающимъ изъ учениковъ взять въ замужество означенную невѣсту, съ предоставленіемъ жениху священническаго мѣста въ селѣ. Нашелся охотникъ — нашъ по классу товарищъ, ученикъ 2-го разряда, Петръ Доброхотовъ — юноша красивый собою, не бойкихъ дарованій, но обладавшій необычайною памятью, способною усвоивать цѣлыя главы еврейскаго текста Библии, безъ отчетливаго пониманія смысла онаго. Доброхотовъ согласился жениться на архіерейской племянницѣ, но съ условіемъ, что бы его внесли въ первый разрядъ и выпустили изъ семинаріи съ званіемъ студента. Условіе принято; Доброхотовъ женился и посвященъ въ іерея.

Между тѣмъ, вскорѣ между мужемъ и женою произошелъ 1840
разладъ; жена, какъ племянница архіерейская, кичилась предъ
мужемъ—пролетаріемъ, укоряла его, что онъ только по ея
милости студентъ; мужъ, не желая сносить такихъ укоровъ,
вдался въ нетрезвость и въ скоромъ времени совсѣмъ
погибъ ¹⁾).

Возвращаюсь къ своему бѣдственному положенію.

Скучая бездѣйствіемъ и не имѣя въ виду ничего опре-
дѣленного, я рѣшился было возвратиться назадъ въ семи-
нарію съ тѣмъ, чтобы чрезъ годъ поступить въ академію,
и непременно Кіевскую, куда влекли меня и тамошняя свя-
тыня, и благодатный южный климатъ. Въ воскресенье, 29-го
сентября, сходилъ я къ ранней обѣднѣ, а послѣ поздней
литургіи рѣшился идти къ своему доброму и почтенному
наставнику, о. Діонисію и объяснить ему свое намѣреніе;
между тѣмъ отправился на рынокъ купить что-то для себя.
Здѣсь неожиданно встрѣтился со мною мой бывшій по
Шуйскому училищу питомецъ, ученикъ средняго отдѣленія
Семень Вишняковъ—сынъ нашего Благочиннаго. Обрадовав-
шись этой встрѣчѣ, Вишняковъ съ живостію говоритъ мнѣ:
„Иванъ Михайловичъ! на дняхъ былъ у меня батюшка и
говорилъ мнѣ, что онъ рекомендовалъ васъ на уроки въ
домъ помѣщика Каблукова; васъ ищутъ тамъ—спѣшите“.
Съ восторгомъ принялъ я эту нечаянную вѣсть и, забывши
объ академіи, на другой же день, часа въ четыре утра,
пустился, разумѣется, пѣшкомъ въ стовѣрстный путь. Безъ
устали прошелъ верстъ шестьдесятъ и остановился на ноч-
легъ въ селѣ Вознесенѣ, Ковровскаго уѣзда, у брата моего
зятя—причетника. Не мало здѣсь удивились моему нежиданному
приходу; спрашиваютъ, куда и зачѣмъ я иду. Когда
я объяснилъ цѣль моего стремленія, мнѣ говорятъ: „да ка-

---

1) Счастливіе былъ бракъ другого, старшаго насъ на три курса, сту-
дента Мих. Овчининскаго, женатаго на другой племянницѣ пр. Паресія въ
1833 г. (см. его письмо къ зятю, священнику Смиренскому во *Влад. Еп. Вѣд.*
1880 г. № 23, стр. 717). Въ письмѣ отъ 4-го янв. 1844 г. пр. Паресій,
между прочимъ, писалъ свящ. Овчининскому: „Изъявите мое поздравленіе
и благожеланіе своею вашему священнику Петру Ивановичу съ супругою.
Благодарю васъ за приятную вѣсть, что онъ устроился въ образѣ жизни,
и живетъ сообразно сану. Да благоспѣшитъ ему Господь въ пренобѣд-
деніи искушеній плоти и даруетъ преуспѣяніе во святыхъ и благочестіи“
(*Влад. Епарх. Вѣдом.* 1881 г., № 8, стр. 224).

1840 г. жется, учительское мѣсто въ домѣ Каблукова уже занято; туда недавно отправился вашъ товарищъ, Авимъ Мих. Доброхотовъ, жившій также на урокахъ у помѣщицы въ сосѣдней съ селомъ Вознесеньемъ деревнѣ“. Словами этими, какъ холодной водой, меня обдали. Но я не хотѣлъ этому вѣрить и отправился въ указанную деревню, чтобы удостовѣриться въ справедливости сказаннаго мнѣ. Оказалось, къ моему прискорбію, что Доброхотовъ, товарищъ мой, тутъ дѣйствительно жилъ и ушелъ, но куда, неизвѣстно. Я продолжалъ свой путь и пришедши въ село Якиманское, въ приходѣ коего живетъ помѣщикъ Каблуковъ, узналъ отъ причетника, что дѣйствительно меня искали, нарочно посылали за мною въ Горицы; но нигдѣ не отыскавши меня, расудили пригласить моего товарища Доброхотова. Я отправился въ деревню, чтобы повидаться, по крайней мѣрѣ, съ своимъ товарищемъ и объясниться съ помѣщикомъ. Доброхотовъ, при свиданіи со мною, жаловался на излишнюю притязательность со стороны барина и на лѣность своего ученика—избалованнаго барченка. Помѣщикъ, которому о мнѣ доложили, принялъ меня расково и выразилъ крайнее сожалѣніе, что не могли меня отыскать.

Возвратившись къ Якиманскому причетнику, оказавшемуся моимъ товарищемъ по Шуйскому училищу, я приглашенъ былъ имъ на ночлегъ, такъ какъ это было вечеромъ. Тутъ я началъ разсуждать, что мнѣ остается дѣлать: итти къ роднымъ совѣстно, да и не благонадежно; въ Горицахъ не будутъ рады, а въ Ивановѣ родные сами не избилуютъ средствами къ жизни. Къ счастью, я вспомнилъ, что гдѣ-то не вдалекѣ отъ Шуй живетъ помѣщикъ Лазаревъ-Станицевъ, у котораго я назадъ тому года два, училъ во Владимірѣ дѣтей. Оказалось, что деревня Иваново, принадлежащая этому помѣщику, находится отъ села Якиманскаго верстахъ въ 10—12-ти. На другой день, вставши утромъ, я поспѣшилъ отправиться въ Иваново какъ бы въ обѣтованную землю; путь своей я держалъ не по большой дорогѣ, гдѣ пришлось бы сдѣлать нѣсколько лишнихъ верствъ, а прямо, по полямъ и лугамъ, и едва не прошелъ мимо вождѣнной цѣли: по оглянувшись нечаянно, увидѣлъ новый барскій домъ и, подошедши къ нему, узналъ, что это именно домъ помѣщика Лазарева-Станицева. Вошедши въ

людскую избу, наскоро переодѣлся, нарядившись въ ту самую суконную пару, которую я сдѣлалъ на деньги, заработанныя уроками у этого-же барина. Когда доложили о мнѣ барину, онъ съ радостію принялъ меня какъ близкаго роднаго; чрезвычайно обрадовались мнѣ и дѣти его. Когда въ бесѣдѣ рѣчь зашла о томъ, кто учить дѣтей, оказалось, что учить діаконъ сосѣдняго села Дроздова, мой сверстникъ по училищу, исключенный изъ высшаго отдѣленія Шуйскаго училища. Его учительствомъ были очень недовольны, но замѣнить его было не кѣмъ. Когда я предложилъ барину свои услуги, онъ съ изумленіемъ спросилъ меня: „неужели это возможно“?—За тѣмъ я пришелъ къ вамъ, былъ мой отвѣтъ. Семейная при семъ радость была неопи-санна. Итакъ, рѣшено, что я остаюсь въ домѣ моихъ старыхъ знакомыхъ въ качествѣ домашняго учителя. На меня возложена обязанность учить разнымъ наукамъ четверыхъ дѣтей—трехъ дѣвочекъ и одного мальчика; уроки должны продолжаться по четыре часа до обѣда и по два послѣ обѣда. Жалованья назначено мнѣ по 10-ти рублей ассигнаціями (около 3-хъ рублей 15-ти копѣекъ серебромъ) въ мѣсяць.

Такимъ образомъ съ первыхъ чиселъ октября 1840-го года началась для меня новая жизнь. Мнѣ назначили въ мезонинѣ особую чистенькую комнатку съ двумя окнами, обращенными къ березовой рошѣ. Семейство помѣщика состояло изъ шести душъ дѣтей, но жены въ живыхъ уже не было; онъ былъ вдовъ. Семень Аркадьевичъ Лазаревъ-Сганищевъ—отставной морякъ въ лейтенантскомъ чинѣ, пожи-лыхъ лѣтъ, но крѣпкаго здоровья; не имѣлъ многосторонняго образованія, но съ крѣпкимъ здравымъ смысломъ и умомъ, изощреннымъ математикою—существенною наукою офицера моряка. У него была порядочная библіотека, всегда открытая для меня. Въ ней, между прочимъ, была и Исторія Карамзина, необходимая для меня при преподаваніи Русской исторіи; отсюда бралъ я и читалъ „Записки морскаго офицера“, *Вл. Броневскаго*, въ 4-хъ частяхъ (Спб. 1818—19 г.), „Руководство къ благочестивой жизни“ *Франциска де Саль*, епископа Женевскаго (М. 1818—1819 г.) и другія. Эти книги читалъ я, въ свободное отъ уроковъ ча-
ча в. въ своей комнатѣ; но меня не рѣдко приглашали по

1840 г. вечерамъ читать книги въ семейномъ кругу. Такъ, напр., я долго читалъ повѣсть: „Семейство Холмскихъ“, *Бѣгичева* (М. 1841 г.)¹⁾. Кромѣ чтенія, приглашали меня принимать участіе и въ семейныхъ удовольствіяхъ, какъ-то: въ карточной игрѣ, разумѣется, безъ денегъ, на счетъ Шереметева, какъ обыкновенно называли тогда такую игру; тутъ изучилъ я модную тогда игру въ бостонъ; заставляли было меня участвовать въ танцахъ, но я всегда уклонялся отъ этого, непріятнаго для меня, удовольствія; музыку, не слишкомъ веселую, слушать я любилъ, но только издали—изъ своей комнаты. Но чаще всего мы съ Семеномъ Аркадьевичемъ занимались игрою въ шашки, и онъ всегда очень сердился, когда я обыгрывалъ его.

Верстахъ въ двухъ отъ деревни была приходская церковь въ селѣ Китовѣ. Мы, въ каждое воскресенье и въ каждый праздникъ, ѣздили туда къ обѣднѣ, и баринъ читалъ апостоль, а я говорилъ поученія, большею частію по печатной книгѣ, а иногда сочинялъ и свои. Послѣ обѣдни почти всегда заходили на пирогъ въ домъ тамошней помѣщицы Жуковой, — родной племянницы Лазарева-Стапищева; а къ обѣду, или на вечеръ, она пріѣзжала въ Иваново съ мужемъ, отставнымъ капитаномъ.

Матеріальныя средства моего барина были очень ограниченны, и онъ велъ жизнь очень простую, безъ всякой роскоши, а это мнѣ и правилось. Въ средѣ такого не богатаго семейства я чувствовалъ себя совершенно свободно, и ко мнѣ всѣ относились какъ къ близкому родному.

Но какъ ни спокойно мнѣ было въ этомъ добромъ семействѣ, а я все-таки былъ озабоченъ мыслию о дальнѣйшемъ, болѣе прочномъ устройствѣ своей судьбы. Поэтому я писалъ во Владимірѣ къ одному изъ своихъ товарищей, Гавріилу Добровольскому, который помѣстился на время въ архіерейскомъ Рождественскомъ монастырѣ въ качествѣ послушника, и просилъ его извѣщать меня о праздныхъ священническихъ мѣстахъ. И вотъ что онъ писалъ мнѣ въ отвѣтъ отъ пятаго ноября:

— — — — —

¹⁾ Бѣгичевъ Д. Н., Воронежскій губернаторъ. О немъ и о его повѣсти см. въ *Историч. Вѣсти*. 1887 г., июль, стр. 37—42.

„Возлюбленному о Христв брату и другу
Ивану Михайловичу
радоватися.

1840 1

Всепокорнйше вась благодарю за ваше о мнй памятованіе и дружеское отношеніе, въ чемъ прошу не оставить и впредь. Извините, что я такъ долго послй вашего письма молчалъ; что дйлатъ? на болйзнь не пойдешь въ судъ; да, другъ, сильно былъ нездоровъ, а поэтому къ вамъ и не писалъ ни строчки и Михаилу Дмитріевичу адреса вашего не сказалъ, потому что его, какъ онъ посвящался, по случаю болйзни своей, не видалъ. До посвященія видйль и съ супругою у владыки, когда приходили его благодарить; жена хорошая, хотъ куда. Новостей никакихъ нйтъ, мйсть также нйтъ. Прошу вась не оставить меня въ своихъ молитвахъ. Прощайте!

Съ искреннимъ расположеніемъ сердца пребыть честь имйю послушникъ архіерейскаго дома многогрйшный Гаврилъ“.

Между тймъ, дядя и опекунъ мой Петръ Иванычъ вызвалъ меня къ 12-му числу въ Шую, которая отъ Иванькова въ 9-ти верстахъ, и объявилъ мнй, что открылась священническая вакансія въ Холуйской слободй и что если я пожелаю поступить туда со взятіемъ невйсты-сироты, дочь его Марья Петровна, жена Хотимльскаго священника И. Н. Успенскаго, можетъ меня порекомендовать. Разумйется, съ великою радостію принялъ я такое предложеніе и въ тотъ же день успйшилъ написать въ Хотимль къ своимъ роднымъ. Вотъ что было мною писано:

„Почтеннйшій братецъ
Иванъ Николаевичъ!
Любезная сестрица
Марья Петровна!

Не могу должнымъ образомъ возблагодарить вась и за прежніе многократные опыты вашего ко мнй расположенія и вниманія. Но настоящая заботливость, какую вы изъясняете въ устроеніи моей послйней участи, обязываетъ меня быть благодарнымъ къ вамъ во всю жизнь. Легко представить, съ какимъ восхищеніемъ получилъ я извйстіе о возможности поступить на Холуйское мйсто.

1841 г. И какъ эта возможность можетъ быть приведена въ дѣйствительность только вашимъ содѣйствіемъ; поэтому сами можете представить, какое великое благодѣяніе окажете мнѣ, если благоволите употребить возможные съ вашей стороны мѣры. Итакъ, позвольте попросить васъ оказать мнѣ это единственно-важное благодѣяніе, которое можетъ устроить счастье всей моей жизни.

Любезный братецъ и сестрица! Если уже благоволите принять участіе въ окончательномъ рѣшеніи моей судьбы; то потрудитесь узнать, какъ водится, отъ кого слѣдуетъ условія и выгоды поступленія на означенное мѣсто, и обо всемъ этомъ покорнѣйше прошу увѣдомить меня. Но я надѣюсь даже лично увидѣться съ вами; я слышала, что вы, сестрица, будете на праздникъ Введенія въ Горисахъ, а сюда батюшка крестный можетъ вызвать меня изъ деревни такимъ же образомъ, какъ и теперь въ Шую.

Остаюсь въ сладостной надеждѣ — получить отъ васъ какую-либо интересную для меня вѣсточку — почитающій васъ братъ студентъ Ив. Тихомировъ.

Любезнѣйшему братцу Ивану Петровичу и сестрицѣ Аннѣ Михайловнѣ свидѣтельствую мое почитаніе.

Батюшка крестный посылаетъ вамъ свое родительское благословеніе“.

Но увы! моя надежда оказалась тщетною. У семейства, оставшагося послѣ умершаго Холуйскаго священника, ранѣе уже имѣлся въ виду женихъ, мой товарищъ Александръ Ровнинъ, который и оредѣленъ былъ на вакантное мѣсто, а я остался въ Иваньковѣ въ чаяніи иного мѣста или должности.

Рождественскіе праздники мирно провелъ я въ деревнѣ. Тамъ же встрѣтилъ и новый 1841 годъ.

Помянутый выше товарищъ и совоспитанникъ Гавріиль Добровольскій письмомъ отъ 3-го феврала убѣдительно просилъ меня пріѣхать къ нему на родину, въ село Кохму, гдѣ была и моя младшая сестра за мужемъ, чтобъ проститься съ нимъ навсегда, предъ отправленіемъ его въ отдаленную Сибирь во священника. Была ли мною исполнена эта дружеская просьба, не помню: но знаю, что Добровольскій дѣйствительно отправился въ Иркутскъ, вслѣдствіе требованія тамошняго епархіальнаго начальства по